

Михаил Иванович Пыляев

Азартные игры в старину

*Часть сборника
Замечательные чудаки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы //Эксмо, Москва, 2008
ISBN: 978-5-699-26293-9
FB2: "M_Lenny", 2 июня 2011 года, version 1.0
UUID: de6f502e-8d05-11e0-9959-47117d41cf4b
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Иванович Пыляев

Азартные игры в старину

(Старое житье)

«Происхождение игральных карт теряется в глубокой древности – колыбель игральных карт историки относят к арабам. Существует предание, что карточная игра привезена из страны сарацинов, где именовалась наиб, другие утверждают, что карты явились к нам прямо из Индостана и занесены будто бы кочующими цыганами...»

Содержание

I.....	.0005
Игра в бриллианты II.....	.0020
III.....	.0042
IV.....	.0061
V.....	.0082

М. И. Пыляев
Азартные игры в старину

Происхождение карт. – Первая колода карт. – Игра в зернь, тавлеи и шахматы в древности на Руси. – Законы и постановления против азартной игры. – Старинные карточные игры. – Шулера-иностранцы. – Преследование игроков в Екатерининское время. – «Картежные академики». – Ростовщики-менялы

Происхождение игральных карт теряется в глубокой древности – колыбель игральных карт историки относят к арабам. Существует предание, что карточная игра привезена из страны сарацинов, где именовалась *наиб*, другие утверждают, что карты явились к нам прямо из Индостана и занесены будто бы кочующими цыганами.

В Испании карты носят название *наипест*, в Италии – *науби*. Слово *науби* на арабском языке значит пророк. По другим сказаниям, карты дошли до нас из Китая и изобретены в Небесной империи задолго до Рождества Хри-

стова. Если карты пришли к нам из Китая, то должны сознаться, что они на пути очень изменились. Китайские карты вырезались на дощечках и разрисовывались разными красками. Во Франции карты были в употреблении уже в начале XIII века.

Карты нынешнего вида изобретены, или вернее усовершенствованы в последней половине XIV столетия. Изобретателем их называют королевского шута и живописца Жакелина Гренгонера. Последний нарисовал три колоды для забавы слабоумного короля Карла VI. Карты эти для игры не были пригодны. На картах Гренгонера, состоявших из фигур, тузов и восьмерки, королевскую корону имел только один бубновый король, изображавший короля Карла VI, все же прочие короли имели короны герцогские. Валеты изображали влиятельных в ту эпоху придворных, дамы – фрейлин королевы, а пиковая дама и в то время была при печальном интересе и имела на голове высокую шапку и над нею корону, а на ногах вместо пальцев дьявольские когти, изображала она королеву Изабеллу Баварскую. Карты были нарисованы с

большим искусством. Гренгонер получил за них 1500 золотых ефимков.

Изобретенные Гренгонером карты скоро получили печальную известность, их стали употреблять для азартной игры в Париже, в отеле Нельской башни. Отель этот скоро сделался притоном разврата, мошенничества и страшной адской картежной игры. Очень понятно, что первые игральные карты там не были сделаны Гренгонером, но только по его образцу в Нюрнберге и Регенсбурге художниками этих городов. Первоначальные карты служили только для азартной игры, состоявшей в следующем: на карту известной масти ставилась произвольная сумма, и если три или даже четыре карты той же масти непосредственно следовали за первою, то поставленная сумма была выиграна. В 1397 году карты были запрещены как во Франции, так и в Германии.

Самые древнейшие карты – 17 карт тарокко, называемые *нартами Карла VI*, и *нарты тарокко-висконти*, о времени появления которых можно заключить по шестой фигуре, на которой соединены гербы названного

принца и Беатриче ди Тенда, на которой он женился в 1413 году и которую казнил в 1418 году.

Самая древнейшая колода карт в Париже хранится в Публичной библиотеке, она относится к 1390–1393 годам. С XV столетия распространилась карточная игра на деньги. В основании карточной игры лежала идея о сражающихся сторонах и первоначально состояла из восьми солдат (2–9 очков), валета (valet), шталмейстера, королевы, дамы и короля. Туз служил знаменем каждого отдела. Карты имели различные названия у разных народов. Во Франции королю, даме и валету давали имена исторические.

В России карты, как и шахматы, зернь и тавлеи, или шашки, были уже известны в XVI столетии. Особенно процветала в эту эпоху зернь. Зернь были небольшие косточки с белой и черной сторонами. Выигрыш определялся тем, какою стороною упадут они, будучи брошены, искусники умели бросать их так, что они падали тою стороною, какою хотелось. Эта игра, как и карты, считалась самым предосудительным препровождением

времени, и в каждом наказе воеводам предписывалось наказывать тех, кто будет заниматься ею.

Костомаров говорит, что при царе Алексее Михайловиче жадность к деньгам однажды пересилила эту нравственную боязнь власти – в Сибири в 1667 году зернь и карты отданы были на откуп, но в следующем году правительство устыдилось такого поступка и опять уничтожило откуп и подвергло их преследованию. Допустить эти игры тем более считалось предосудительным, что они были любимым занятием лентяев, гуляк, негодяев, развратных людей, пристанищем которых были корчмы или кабаки, где им для игры отводили тайные кабацкие бани. Эти запрещенные игры особенно были распространены между служащими людьми. Русские распространили употребление их между инородцами Сибири – остяками, татарами и другими, – а так как русские играли лучше инородцев, то оставались всегда в выигрыше и приобретали от них дорогие меха.

Карты не были в таком большом употреблении, как зернь, но как забава были допущены

ны даже при дворе, так при царе Михаиле Федоровиче для забавы маленькому Алексею Михайловичу с своими сверстниками куплены были карты. Что касается шахмат, то эта игра была любимым препровождением времени царей и бояр, да и вообще русские очень любили их в старину, как и тавлеи или шашки. Однако благочестие и эти игры причисляло к такой же бесовщине, как зернь, карты и музыку.

Как игра в зернь или в кости, так и в карты у нас при царе Алексее Михайловиче строго преследовались и, наконец, совсем были запрещены (см.: ст. 15 главы 21 Уложения).

Император Петр Великий никогда сам в карты не играл и картежной игры при дворе своем нетерпел. Но есть основание предполагать, что карточные игроки в то время уже действовали. Так, по уставу Петра в армии и во флоте не дозволялось проигрывать в карты более одного рубля. Петр, впрочем, любил играть в шахматы с своим крестовым священником Хрисаноровым. За искусство выигрывать партию царь прозвал его поп Битка.

В царствование императрицы Анны Иоан-

новны при дворе входит в моду игра в карты, и любимцы государыни Бирон и Остерман играют на крупные суммы с иностранными послами. При дворе в это время сильно царствует разорительная игра в *фаро* и *квинтич*. При императрице Елизавете азартные игры не прекращаются: граф Алексей Разумовский почти ежедневно проигрывает большие суммы и в не трезвом виде даже поколачивает своих партнеров. Щедрый и не дороживший деньгами, он держал у себя в доме большой банк и проигрывал тем, с кем хотел поделиться деньгами. Случалось, что иные из его гостей делились с ним его капиталами без его ведома и выносили деньги полными карманами и шапками.

В петербургском обществе в это время уже существовало много игорных домов и один из них, у Вознесенья у известной Дрезденши вел свои обороты открыто.

При Петре III картежная игра не имеет уже той силы; этот государь указом воспрещает играть в *фаро*, *квинтич* и в прочие всякого звания азартные игры, а только позволяет употреблять игры в знатных дворянских домах и

то не на большие, но на самые малые суммы денег, и не для выигрыша, но единственно для препровождения времени, как-то: в ломбер, в кадрилию, в пикет, в контру, и в памфиль.

В царствование императрицы Екатерины II входят в моду следующие карточные игры: *реет*, *вентэн*, *кучки*, *юрдон* (самая азартная: от нее происходит имя *проюрдонился*), *гора*, *макао*, *штос*, *три и три*, *рокамболь*, *тентере*, *алалушь* и совершенно выходят из моды старинные игры, как: *тресет*, *басет*, *шнипшнап-шнур*, *марьяж*, *дурачки с пар*, *дурачки в навалку*, *дурачки в две карты*, *ерошки* или *хрюшки*, *три листка и семь листов*, *носки* и *никитишны*.

Екатерина II в Уставе благочиния (8 апреля 1782 года) запрещает играть картами или иным чем в игры, основанные единственно на случае или «газартные» и предлагает администрации следить, чтобы никто не мог: 1) дом свой или нанятой открыть днем или ночью игроками и ради запрещенной игры; 2) в доме, открытом днем или ночью, игрокам и ради запрещенной игры играть; 3) от запре-

ценной игры иметь единственное пропитание; 4) купцам или ремесленникам или маклерам быть, или находиться тут при запрещенной игре, или в той игре записывать, или счет держать, или замечать чем, или способствовать игре, или для той игры носить с собою, или посылать, или займы дать, или брать, или обещать, или иначе прямо, или стороною доставить для той игры золото или серебро, монетою или в деле, или ассигнациями, или медные деньги, или драгоценные камни в деле, или не в деле или вещи, или иной товар, какого бы звания ни был, или вексель; 5) в игре во всякой употребить воровство – мошенничество.

Замечательно, что в законах против игр в прошлом столетии обозначаемы были поименно игры, признанные запрещенными, потом было прекращено именование их, в том, конечно, убеждении, что игроки могут и простым играм придавать свойства азартных.

Еще ранее этого указа в 1771 году указом от 13 октября, воспрещено было платить долги по карточной игре и велено отказывать в уплате денег заимодавцам, ежели заведомо

на игру давали оные. В этом указе сказано было, что «отцы и матери детей неотделенных платить за них долгов карточных неповинны» и «данные от сих последних векселя и закладные почитаются не-действительными».

Шулеров в Екатерининское время было множество, особенно этой профессией занимались разные иностранцы-авантюристы.

Во время пребывания Екатерины II в городе Могилеве и даже ранее ее приезда, за месяц этот город уподобился самой многолюдной столице, и здесь, по рассказам современников, на беспрестанных праздниках и балах кипела такая карточная игра, каковой, конечно, ни прежде, ни после в России не бывало.

Один князь Сапега проиграл тогда все свое состояние, равнявшееся многим миллионам. В это время здесь на зеленом поле отличались два далматинца, графы Зановичи. Эти искатели приключений начали свои шулерские подвиги еще в Венеции, и их портреты за разные мошеннические проделки были там повешены на виселице рукою палача.

Зановичи позднее были уличены у нас в подделке фальшивых сторублевых ассигна-

ций, и меньшей. Занович был схвачен в Москве у самой заставы; при нем найдено было с лишком 700 000 фальшивых ассигнаций, все сторублевого достоинства. Зановичи долго содержались в Балтийском порте, и во время нападения на этот порт шведов в 1789 году по малочисленному гарнизону братья явились защитниками последнего, где разумными советами и личною храбростью оказали большие услуги русским, за что были освобождены и высланы за границу.

Не менее такой известностью крупного шулера пользовался в Екатерининское время некто барон Жерамбо. Он ходил в каком-то фантастическом черном костюме, обшитом серебром, на груди у него была мертвая голова. Он писал латинские стихи и ездил на собаках, но, в сущности, он был шулер самый ловкий, и если кто-нибудь ему попадался в руки, то выходил проигравшимся до последней рубашки.

Но несмотря на строгие законы и запрещения, азартная игра в царствование Екатерины II велась даже при дворе, а от двора распространялась и во всех слоях общества. Эн-

гельгардт в своих записках утверждает, что азартные игры, хотя были запрещены законом, но правительство на то смотрело сквозь пальцы.

Случалось однако, что императрица иногда и преследовала игроков. Так, письмом от 7 августа 1795 года к московскому главнокомандующему Измайлову, она предписывает: «Коллежских асессоров Иевлева и Малимонова, секунд-майора Роштейна, подпоручика Волжина и секретаря Попова за нечистую игру сослать в уездные города Вологодской и Вятской губерний под присмотр городничих и внести притом имена их в публичные ведомости, дабы всяк обмана их остерегался». У Волжина притом было отобрано векселей, ломбардных билетов и закладных на 159 000 руб. и кроме того множество золотых и бриллиантовых вещей. Все эти богатства приказано было «яко стяжание, несправедливым образом снисканное и ему не принадлежащее, отдать в Приказ общественного призрения Московской губернии на употребления полезные и богоугодные».

В том же году Бантыш-Каменский писал к

князю Куракину: «У нас сильный идет о картежных академиках перебор. Ежедневно привозят их к Измайлову; действие сие в моих глазах, ибо наместник возле меня живет. Есть и дамы...»

Через несколько дней он пишет опять к Куракину «Академики картежные, видя крепкий за собой присмотр, многие по деревням скрылись».

Из рассказов современников видно, что в Екатерининское время в каждом барском доме по ночам кипел банк, и тогда уже казенный ломбард более и более наполнялся закладом крестьянских душ. Не к добру в первое время послужило дворянству это учреждение дешевого и долгосрочного кредита. Двадцать миллионов, выданные помещикам, повели еще к большему развитию роскоши и разорению дворянства. Быстры и внезапны были переходы от роскоши к разорению.

В большом свете завелись ростовщичьи-менялы; днем разъезжали они в каретах по домам с корзинами, наполненными разными безделками, и променивали их на чистое золото и драгоценные камни, а вечером уви-

вались около тех несчастливцев, которые проигрывали свои имения, давали под залог вещей деньги и выманивали у них последние средства.

У Загоскина в воспоминаниях находим описание одного из таких ростовщиков сительного происхождения, отставного бригадира князя Н., промотавшего четыре тысячи душ наследственного имения. Вот как описывает он место его действия на одном из московских великосветских вечеров, где в ту эпоху подобный ростовщик-торговец был необходимой принадлежностью: «Посреди комнаты стоял длинный стол, покрытый разными галантерейными вещами; золотые колечки, сережки, запонки, цепочки, булавочки и всякие другие блестящие безделушки расположены были весьма красиво во всю длину стола, покрытого красным сукном. За столом сидел старик с напудренной головой, в черном фраке и шитом разными шелками атласном камзоле. Наружность этого старика была весьма приятная и, судя по его благородной и даже несколько аристократической физиономии, трудно было отгадать, каким образом он

мог попасть за этот прилавок. Да, прилавок, потому что он продал при нас двум дамам: одной – золотое колечко с бирюзой, а другой – небольшое черепаховое опахало с золотой насечкой; третья, барышня лет семнадцати, подошла к этому прилавку, вынула из ушей свои сережки и сказала:

– Вот, возьмите! Маменька позволила мне променять мои серьги. Только, воля ваша, вы много взяли придачи: право, десять рублей много!

– Ну, вот еще, много! – сказал продавец. – Да твои-то сережки и пяти рублей не стоят.

– Ах, что вы, князь! – возразила барышня. – Да я за них двадцать пять рублей заплачу...»

Игра в бриллианты

II

Игра в бриллианты. – Игроки: Потемкин, Чертков и Левашов. – Случай с П.Б. Пассеком. – Гроза на игроков. – Проигрыш казенных денег. – Всеобщая страсть к картам. – Шутки Безбородко и Демидова. – Выигрыш Державина, проигрыш Пушкина. – Игра в клюковку. – Карточные откупщики Злобин и Чеблоков. – Число карточных фабрик в Петербурге. – Иностранные колоды карт. – Гадальщицы на картах: Ленорман, Штольц и Марфуша

Императрица Екатерина II игрывала сама в карты, но большею частью с чужестранными министрами или с тем кому прикажет, для такой игры карты подавали гостям по назначению камер-пажи, но случалось, что на парадных и торжественных вечерах государыня играла, расплачиваясь бриллиантами. Так, на праздник Азора в комнатах Эрмитажа

13 февраля 1778 года, данного в честь рождения первого внука императрицы, розданы были избранным гостям афиши от имени «Азора, африканского дворянина», который «как представитель страны золота, серебра и драгоценных камней и чудовищ не мог выбрать минуты более благоприятной для своего праздника, как такое время, как земля, небо, воды и всякого рода твари призваны ознаменовать блестящую эпоху». Далее сказано, что на каждом из столов, приготовленных для игры в макао, будет стоять коробка с бриллиантами, и каждая девятка будет оплачиваться камнем в один карат. Императрица в одном из своих писем к Гримму рассказывает, что на этот вечер гости поднялись по узенькой лестнице в комнаты музея, и игрой в золото и драгоценные камни были особенно поражены дипломаты – *les soures aux pois*. [1] После полуторачасовой игры гости поделили между собой оставшиеся бриллианты. В соседних залах в этот вечер горели два огромных вензеля «А» из самых крупных бриллиантов и жемчугов, а под ними стояло двадцать пажей, одетых в глазет, с голубыми

шарфами через плечо. В виде десерта против зеркал стояли в разных сосудах сервиза Бретейля все драгоценные камни четырех шкапов Эрмитажа. Несомненно, что под именем Азора являлся переодетым сам князь Потемкин, который был устройтелем праздника. Кому бы могла войти в голову такая разорительная затея, как игра в бриллианты, как не князю Потемкину, великолепный князь Тавриды часто, играя в карты, только один мог платить не деньгами, а бриллиантами.

Про большую игру в карты Потемкина существует несколько анекдотов. Любимым его партнером был один калмык, который имел привычку всем говорить «ты» и приговаривать «Я тебе лучше скажу». Он вел крупную игру и игрывал со всеми вельможами.

Однажды, понтируя с каким-то знатным молдаванином против калмыка, Потемкин играл несчастливо и, разгорячившись на неудачу, вдруг с нетерпением сказал банкомету:

– Надобно быть сущим калмыком, чтобы метать так счастливо!

– А я тебе, – возразил калмык, – лучше ска-

жу, что калмык играет, как князь Потемкин, а князь Потемкин, как сущий калмык, потому что сердится.

– Вот насилу-то сказал ты «лучше»! – подхватил, захохотав, Потемкин и продолжал игру уже хладнокровно.

В другой раз Потемкин наказал одного из своих партнеров довольно строго за то, что последний, пользуясь его разъясненностью, обыграл его нечестным образом...

– Нет, братец, – сказал ему Потемкин, – я с тобою буду играть только в плевки, приходи завтра.

Приглашенный не преминул явиться.

– Плюй на двадцать тысяч, – сказал князь. Партнер собрал все силы и плюнул.

– Выиграл, братец, смотри, я дальше твоего носа плевать не могу! – произнес Потемкин, отдавая проигрыш.

Императрица Екатерина II часто, играя в карты и делая ошибки, терпеливо сносила выговоры от своих партнеров. Камергер Чертков имел обыкновение делать ей такие выговоры, а раз, играя с нею и проигрывая, забылся до того, что с досады не окончил игры и

бросил карты на стол. Императрица ни слова не сказала ему и, когда кончился вечер, встала, поклонилась и молча ушла в покои. Чертков просто остолбенел от своего поступка. На другой день, когда гофмаршал вызвал лиц, которые были назначены к ее столу, Чертков стоял в углу ни жив ни мертв. Когда гофмаршал произнес его имя, он ушам не верил и когда робко и нерешительно подошел, то государыня встала, взяла Черткова за руку и прошла с ним по комнате, не говоря ни слова. Возвратясь же к столу, сказала ему:

– Не стыдно ли вам думать, что я могла быть на вас сердита? Разве вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себе никаких неприятных следов.

Как мы уже упомянули, Екатерина недобливалась азартных игроков. Про них она говорила: «Эти люди никогда не могут быть полезными членами общества, потому что привлекли к праздной и роскошной жизни. Они хотят всю жизнь свою провести в этой пагубной игре и, таким образом лишая себя всего своего имущества и нисколько об этом не заботясь, делают несчастными и других, которых

они обманывают и вовлекают в игры».

Наказанием для игроков в Екатерининское время был арест в тюрьме под крепким караулом. Но иногда прибегали и к более крутым мерам. Так, узнав, что в Москве завелись карточные игроки, она писала к главнокомандующему: «Иностранцев высылайте за границу, а своих унимайте, а если нужно будет, то пришлите ко мне именной список их. Я велю публиковать об них в газетах, чтобы всякий мог их остерегаться, зная ремесло их».

Существует предание, что наши общественные клубы учреждены были в ее время для того только, чтобы иметь надзор за азартными игроками. Так, не раз появлялись в то время указы, гласящие, что клубы посещают люди не только такие, что ищут в длинные зимние вечера средства лишь «рассыпать мысли свои», но и такие, которые впадают в «подлые поступки» и особенно умножают страсть к карточной игре.

Императрица знала всех своих придворных, которые вели крупную карточную игру. Узнав, что у ее статс-секретаря Попова по ночам съезжаются для большой игры, она спро-

сила его:

– Играете ли вы в карты?

– Играем, государыня, – отвечал он.

– В какую игру?

– И в ломбер (L'ombre) играем.

– Ваш ломбер разорительный, – рассмеявшись, сказала императрица.

До сведения Екатерины дошло, что генерал Левашов ведет большую азартную игру. Государыня при встрече говорит ему:

– А вы все-таки, несмотря на запрещение, продолжаете играть?

– Виноват, ваше величество, играю иногда и в коммерческие игры.

Двусмысленный ответ обезоружил гнев императрицы.

Этот В.И. Левашов не изменял своего образа жизни до самой смерти и то и дело выигрывал и проигрывал большие деньги.

Уже позднее, в царствование императора Александра I, Левашов был замешан в каком-то крупном проигрыше. Государь, встретив Левашова, сказал ему:

– Я слышал, что ты играешь в азартные игры?

– Играю, государь, – отвечал Левашов.

– Да разве ты не читал указа, данного мною против игроков?

– Читал, ваше величество, – возразил Левашов, – но этот указ до меня не относится: он обнародован в предостережение «неопытных юношей», а самому младшему из играющих со мною пятьдесят лет.

В Екатерининское время слыл за самого отчаянного азартного игрока известный вельможа века императрицы Петр Богданович Пассек. Проигрыши и выигрыши этого страстного игрока ежедневно доходили до многих десятков тысяч рублей. Про Пассека существует следующий рассказ. В одну ночь он проиграл несколько десятков тысяч рублей, долго сидел у карточного стола и задремал. Как вдруг ему приснился седой старик с бородою, который говорит: «Пассек, пользуйся, ставь на тройку три тысячи, она тебе выиграт соника, загни пароли, она опять тебе выиграт соника, загни сетелева, и еще она выиграт соника». Проснувшись от этого видения, Пассек ставит на тройку три тысячи, и она сразу выигрывает ему три раза.

Существует также очень характерный анекдот про одного из вельмож из «стаи славной» императрицы: играя в присутствии самой Екатерины и почти всего двора чуть ли не с Прусским королем, и видя неминуемую гибель всего своего огромного состояния принужден был съесть пикового короля, чтобы только игра эта считалась неправильною.

Как мы уже говорили выше, в конце царствования Екатерины II в Москве особенно сильно развилась азартная карточная игра. Это обстоятельство заставило государыню принять крутые меры. Августа 7-го 1795 года императрица писала к главнокомандующему Москвы, действительному тайному советнику Михаилу Михайловичу Измайлову: «Не оставьте подтвердить всем тем, кои в представленном от вас списке поименованы, дабы они от упражнений в разорительных играх всемирно воздержались под страхом нашего гнева и неизбежного взыскания по законам».

В списке картежников, посланном Измайловым к Екатерине II, были такие вельможи и сановники, как, например, Ив. Арханов, князь А. Урусов, князь Василий Сибирский,

Ал. Давыдов, Ал. Акулов, Ал. Бибииков, князь Мих. Хованский, С. Тимирязев, Ив. Гарновский, князь Ив. Шаховский, Як. Ханьков, Ст. Лачинов, князь Дм. Голицын, князь Ал. Мещерский, Федор Рахманов, Ник. Болтин, Юрий Нелединский; были и иностранцы, содержатели игорных домов, как Бахтазар, Манчалли, Штироли и Пиндорелли. Поводом к составлению этого списка, как говорит А.Т. Болотов, послужил проигрыш казенных денег московским почтамтским кассиром Шатиловичем. Он проиграл 26 тыс. и из боязни наказания отравился, но умерший оставил после себя список, с кем он играл. Этим реестром воспользовался главнокомандующий Измайлов, распределил сумму между игравшими и тотчас же ее собрал. Говорили, что попало в список много таких, которые кассира Шатиловича и в глаза не видали.

После этого случая в Москве ходило много слухов про игроков. Так, рассказывали, что, несмотря на величайшие строгости относительно карточных игроков, где-то в игорном доме были забраны приказные с отставными офицерами и последних посадили на три ме-

сяца в смиренный дом, а приказных публично на перекрестках наказывали плетьюми. И после этого был выдан приказ, что всем квартальным майорам дана привилегия в частях своих въезжать в дома, как скоро где усмотрят они собрание и карет много, и посмотреть, в чем упражняется хозяин. Эти меры, по слухам, многих удерживали от азартной игры.

По словам современников, в последние годы царствования Екатерины II карточная игра усилилась до колоссальных размеров — дворяне почти только и делали, что сидели за картами; и мужчины, и женщины, и старые, и молодые садились играть с утра, зимою еще при свечах и играли до ночи, вставая лишь пить и есть, заседания присутственных мест иногда прерывали, потому что из самого заседания вдруг вызывали членов к кому-нибудь на карты, играли преимущественно в коммерческие, но много и в азартные игры. Составлялись компании обыграть кого-нибудь наверняка; поддерживать себя карточного игрою несколько не считалось предосудительным. Карточная игра больше всего содейство-

вала тому, что многие тратили больше, чем получали, что стали продавать свои имения и даже завели обычай, на первое время всех сильно поразивший, продавать людей без земли, особенно в рекруты, чиновники – растрачивать казенные деньги, дворяне – вступать в откупы и т. п.

В эти годы дошло до того, что зимой в Москве в публичных собраниях и клубах и в маскарадах вовсе почти не танцевали, и все садились за карточные столы. Даже музыка больше часа не играла, и, как пишет А.Т. Болотов, плясывали иногда по-русски, но и тут с топаньем и кричаньем и дурно – и то при разъезде, подгулявши.

Почти все сановники Екатерины II были большие охотники до карт, так, канцлер Безбородко нередко целые ночи проводил за зеленым столом. В карточной игре Безбородко не был счастлив, что можно заключить из писем к нему А.И. Моркова; последний от 5 апреля 1782 года говорит: «Сожалею, что вы так худо ведете свои дела в картах. С этой стороны я гораздо вас спокойнее. Как в день гульденов шесть выиграю, так вся Гага мне зави-

дует. Женщины здесь прескверные и по большей части мошенницы: воруют в игры так, что глазом мигнуть нельзя». В другой раз он пишет, поздравляя Безбородко с Новым годом: «Позвольте мне при сем поднести вам маленький календарь, весьма полезный не для чисел, но для ведения карточных счетов».

Богатый граф С.П. Румянцев, блестящий вельможа времен Екатерины, человек высокого ума, большой образованности, был до глубокой старости подвержен картежной страсти, которой предавался, так сказать, запоем. Он запирался иногда на несколько дней с игроками, проигрывал им баснословные суммы и переставал играть впредь до нового запоя.

Относительно карт существует рассказ, что Безбородко просил у Екатерины II позволения стрелять из пушек на своей даче на Неве. Государыня, удивленная просьбою, не отказала своему любимому секретарю. Вскоре лейб-медик Роджерсон, играя в вист, по рассеянности начал делать ошибки (ренонсы), а хозяин-граф приказал каждый раз извещать об этом пушечными выстрелами. Шутка эта

так раздражила вспыльчивого лейб-медика, что едва не кончилась крупной ссорой.

Наши баре в старину любили тешиться над своими партнерами, как мы выше уже говорили. Потемкин любил играть в карты с калмыком. А известный эксцентрик П.А. Демидов тоже имел у себя такого же чудака для игры в карты – армянина, известного в то время в Москве под именем Тараса Макарыча, человека недалекого ума, но страстного игрока и пьяницу. Демидов играл с ним в карты, отмечая выигрыш на его лице углем, и нередко, напоив мертвецки пьяным, он отвозил домой в гробу этого партнера вместе с выигрышем.

Карточную игрою в молодости увлекался до страсти и поэт Державин; вскоре по возвращении в Петербург, после Пугачевщины, в конце 1775 года, он на оставшиеся у него 50 руб. выиграл в короткое время 40 000 руб. (см.: «Записки Державина»). Потом, познакомясь с князем Вяземским, он часто у него бывал и проводил с ним дни, забывая время в карточной, тогда бывшей в моде игре в вист. Впоследствии Державин, хотя и не

оставлял совсем карточной игры, однако ж более уже не предавался ей с увлечением.

Державин в своей страсти к картам сознается так: «Иногда на торжище праздности и любостяжания сидел я за грудями золота, передвигал его туда и сюда, желая и у ближнего притягать к себе не принадлежащее имение или ему свое бросить. И тут я чего не делал? то в кости, то в карты, то в шары, то в шашки, а иногда – о, грешен окаянный! – загибал я и уголки. Иногда принимался я важничать, морщился и протирали глаза свои и сказывал, что у меня от работы голова кругом катится, хотя, впрочем, так же как и прочие люди, чужими руками жар загребал; проигрывал я ночь в рокамболь, а поутру за делами дремал на диване». Пушкин тоже во время пребывания своего в южной России куда-то ездил за несколько верст на бал, где надеялся увидеть предмет своей тогдашней любви. Приехав в город, он до бала сел понтировать и проиграл всю ночь до позднего утра, так что прогулял все деньги свои, и бал, и любовь свою.

В прошлом столетии карты положительно владели всем высшим обществом. При импе-

ратрице Елизавете, как говорит императрица Екатерина II, игра в *фараон* составляла занятие всех придворных дам сутра до поздней ночи. Сама императрица в то время должна была принимать участие в таком препровождении времени; позднее, в царствование Екатерины II, в известные дни в Эрмитаже, куда собирались придворные дамы и гвардейские офицеры, всегда составлялись партии в *ламуш*, *бостон*, *реверси* и *пикет*. В частных домах в ее время у наших бар, кроме этих игр, играли очень сильно в *банк*, *штос*, *квинтич*, *крепе*, *пасдис* и *ландскнехт*.

Князь Вяземский в своих записках рассказывает, что он знал одного нелицеприятного и беспристрастного сына, который говорил ему, что покойный отец его в конце прошлого столетия выиграл у приятеля своего 20 тыс. руб. на *клюкве*. Вот как это происходило. Он предложил добродушному приятелю своему угадывать, в которой руке его цельная *клюква*, в которой – раздавленная. Разумеется, заклад был определен в известную сумму. Игра продолжалась около двух часов. Нужно ли добавлять для простодушного читателя, что вы-

званный на игру назначал решительно всегда невпопад?

На всех почти публичных маскарадах, гуляньях сто лет тому назад были «горницы для игранья в карты». Так, в Большом театре в Петербурге, давая маскарады, машинист Данпери и танцовщик Ганцомес извещали публику, что у них будет допущена и игра в карты.

Самые же карты в то время стояли невысоко в цене, и, как видно из публикации в «С.-Петербургских ведомостях», цена их на публичных маскарадах была 2 руб. 60 коп. за дюжину. Карты в то время были выписаны из-за границы, а также и петербургского изделия. Карты отдавались на откуп. Откупщиками карточного дела были именитый гражданин Злобин и с. – петербургский купец Чеблоков.

Император Павел I, когда в 1797 году 16 декабря запретил привоз иностранных карт и возвысил сбор за клеймение карт, установленный в пользу Воспитательного дома, то дал Чеблокову шпагу и медаль на голубой ленте, а Злобину – одну медаль. Злобин не пожелал выйти из купеческого звания. Он считался богатейшим из откупщиков, но при

всем своим богатстве отличался большой простотою, видом он был очень некрасив, неуклюже толст, из лица красен и вдобавок кос и при том большой заика, ходил он в русском платье и с бородой. Сыновья у него были очень хорошо воспитаны, и один из них был зятем графа Сперанского. Жена Злобина ходила в большом кокошнике на голове и телогрейке, вся одежда ее была из золотой парчи и усыпала жемчугом крупными бриллиантами и другими драгоценными камнями, кокошнику нее так был велик, что не мог пройти в двери, и входила она всегда боком. По рассказам, бриллиантовых вещей у нее было так много, как ни у одной из тогдашних аристократок.

В Екатерининское время в Петербурге существовало восемь немецких карточных фабрик, из них одна принадлежала Воспитательному дому. Позднее, в начале нынешнего столетия учрежденная под покровительством императрицы Марии Федоровны Александровская мануфактура стала выделывать по способу Деларю по 14 000 колод ежедневно, но за всем этим она не могла удовлетворить

требованиям тогдашнего общества, и карты всегда распродавались быстро, без всякого остатка. Наши карты отличаются достоинствами высшего качества.

Первые у нас карты были тарокко, это собственно название итальянское: карты для игры, называемой *тарокк* оттого, что, как говорят, были изобретены в провинции Таро, в Ломбардии, впервые стали употребляться в Польше, откуда и перешли к нам. Тарокковые карты представляют фигуры самые странные. Они употребляются во Франции для составления так называемой большой игры (*grand jeu*) у карточных гадалщиц.

В Англии игральные карты появились ранее, нежели во Франции. Там в обществе существует два рода игральных карт, английские карты употребляются в Соединенных Штатах и в Канаде.

В Германии карты сохранили некоторые отметки средних веков: к королям, дамам и валетам был присоединен четвертый род фигур – рыцарей. Полная колода карт французских – 52, в Германии колода долго заключала в себе 64 карты и между ними – 21 козырных,

носивших названия *дьявола, смерти* и т. п.

Карты тарокко состоят из 78 штук, в Италии, в Швейцарии и во Франции тарокко по сейчас сохранило свой первоначальный вид: масти тарокко называются *чаши, динарии палки и мечи*, а в козырях те же старые аллегорические фигуры средних веков христианской эры. Испанские карты, или карты Гомбре – числом 48, такие карты выделяются в большом количестве в Германии для вывоза в Южную Америку, в Мексику и Калифорнию. В прежние времена спинка карт была белая, на спинках только тарокко и испанских были рисунки или крап; от этого и получилось название *крапленые* присвоенное картам, имеющим это украшение. Впрочем, последнее название у нас теперь понимается иначе крапленые карты – это такие, которые побывали до игры в руках шулеров.

Игральные карты имеют большое применение в гаданьях у людей суеверных, прибегающих к дознанию будущего. Искусство узнавать будущее по распоряжению игральных карт не особенно старо и у нас в России восходит не ранее начала нынешнего столе-

тия. Привезено оно к нам из Франции, матерью гаданий надо признать известную девицу Ленорман. Многие из наших офицеров, бывших в 1814 году в Париже, посещали из любопытства квартиру этой знаменитой ворожеи на Турнонской улице, под № 5. Девица Мария Ленорман приобрела себе славу во время Консульства и Империи. Искусством прорицания девица Ленорман занималась более пятидесяти лет. Пишущему эти строки приводилось знать в Москве одну богатую помещицу госпожу Кр-ну, судьбу которой Ленорман предсказала как по-писаному. Эта барыня в силу ее предсказания, что она умрет ночью, никогда не спала ночью, когда спят люди, а спала днем и, чтобы не знать часа смерти, приказывала во всем доме испортить все часы с боем, чтобы не знать времени. В числе странностей этой барыни было также и то, что она не употребляла никогда для мытья воды, а на место последней какую-то мазь. Кр-на ездила несколько раз в Париж к Ленорман и раз по просьбе Аракчеева, портрет и оттиск с ладони которого возила к ней для узнавания судьбы временщика.

Девятнадцать лет от роду Ленорман уже была известна как хорошая предсказательница и нередко за свои предсказания платилась тюрьмой. Славу Ленорман сделал Наполеон: она предсказала молодому артиллерийскому поручику по чертам на ладони, что он выиграет не одно сражение, покорит царства, будет владычествовать и удивит мир. Эта Сивилла во всех случаях давала советы и императрице Жозефине, которая и покровительствовала ей в благодарность за ее блистательные предсказания.

В Петербурге известных гадалщиц на картах было немного: в начале этого столетия – старуха-немка Штольц и в сороковых годах – на Бердовом заводе чухонка, известная под именем Марфуши.

Гроза на картежников в Павловское время. – Случай с Бесковым, рассказы С. Глинки. – Петергофская дорога и ее картежные притоны. – Картежная Аспазия. – Игра на ярмарках. – Л.Д. Измайлов. – Характеристики этого игрока. – Редкий проигрыш и отыгрыш. – Игроки братья Ны. – Проигрыш крупного состояния. –
Савва Яковлев

В царствование императора Павла I особенно строгие меры последовали против игроков. Полиция в то время имела приказание прямо являться в дома, где велась игра, и забирать играющих. С. Глинка в своих воспоминаниях рассказывает о том, что после строгого запрещения банка в 1797 году и всяких поздних собраний в столице тогдашний обер-полицмейстер Эртель, проезжая раз ночью Арбатом, увидев свет во втором этаже одного каменного дома, поспешил туда войти и застал игру. На беду здесь случился поручик Ар-

харовского полка Бессонов, казначей своего батальона. Не участвуя в игре, он спал в комнате на диване. Обер-полицмейстер разбудил его, Бессонов сказал:

– Оставьте меня, завтра нашему батальону ранний смотр. Вы видите, что я спал. Не стыдите меня перед начальником. Для меня честь дороже жизни.

– Ступайте, – прикрикнул Эртель.

– Иду! но только смотрите, чтобы вы не раскаялись.

Часа в четыре ночи привели игроков и Бессонова в дом начальника полка, где по тогдашнему обыкновению стояли и полковые знамена. Выходит Иван Петрович Архаров, разбуженный тревогою, в колпаке и халате. Взглянув на Бессонова, он сказал:

– Как, и ты здесь?

Посадили приведенных под знамена. На заботливые расспросы начальника полицмейстер признался, что Бессонова он застал спящим.

– Грешно было тебя, братец, будить!

Смущенный Эртель просил дозволения сказать Бессонову, что до него не будет дела.

– Не надобно было и заводить шума, – прибавил Архаров. – Поди, братец, поправь свой грех.

Эртель пошел к Бессонову и сказал, что он свободен.

– Поздно! – закричал Бессонов. – Я говорил тебе, не води меня сюда, ты привел: вот тебе!

Была схватка, Бессонов отдан был под суд. Офицеры полка были судьями, они плакали, но в силу устава Петра I выставили в приговоре: «Лишение руки». Впрочем, до развязки не дошло, приговор хотя и был послан императору, но за примирением соперников Бессонов был прощен.

Тот же С. Глинка, рассказывая про большую азартную игру в то время, говорит, что С.Ю. Храповицкий, служа в Крыму, спустил все родовое имущество в бездну карточную. Последний намекает, что счастливым партнером последнего был известный герой Отечественной войны М.И. Кутузов, про которого тогда говорили его товарищи: «Кутузова и в картах никто не перехитрил». Но никогда так азартно игры у нас не процветали, как с восшествием на престол императора Алек-

сандра I. Этот государь вынужден был издать указ «об истреблении непозволительных карточных игр», где между прочим было сказано, что «толпа бесчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, одним ударом исторгает из рук неопытных юношей достояние предков, веками службы и трудов уготованное». На этом основании в то время всех уличенных в азартных играх приказано было брать под стражу и отсылать к суду.

Особенно славилась в эти года Петергофская дорога своими трактирами, где велась тогда адская игра. Эта дорога в те времена была сильно оживлена, гвардейские полки стояли в Стрельне и в Петергофе, ездить в Петербург офицерам без разрешения великого князя не дозволялось. Подписанные дозволения осматривались на заставе. Вследствие этого обстоятельства как почтовые станции, так и все трактиры по этому тракту были полны офицерством, любившим, как тогда говорили, *сушить хрусталь и попотеть на листве*; последнее обстоятельство также называлось *бессменным советом царя Фараона*, т. е. тут

метали банк от зари до зари.

Особенно сильная азартная игра велась в Красном кабачке, который содержала немка-маркитантка вся в медалях и крестах на груди; по рассказам, иггранных карт по углам комнат накапливалось так много, что каждый день их собирали лопатами и вывозили возами.

Там за зелеными столами нередко можно было видеть молодцов военных, которые только и знали, что карты и дуэли. Ужасные шрамы на их лицах, очевидно, свидетельствовали о их подвигах, у некоторых бывали и вечно зашнурованные рукава. Были и такие здесь красавцы-молодцы, у которых победы были больше мирные, и не проходило Божьего дня, в который бы они не притащили с собой или денег, или бриллиантов, или каких-нибудь других вещей от какой-нибудь пребогатой графини или княжны, предававшейся им и душой, и сердцем. И все эти вещественные отношения ставились на карточных дам.

Житье того времени носило характер бивуачный; много еще было в полках старых

былых служак, участников наполеоновских войн и походов за границу. Общество офицеров по большей части состояло из старого русского дворянства, жившего не только богато, но подчас и расточительно.

И нередко можно было найти по Петергофской дороге какую-нибудь по внешности развалившуюся крестьянскую избушку, внутренность которой была убрана с изумительной восточной роскошью: неровный и дырявый пол устлан разными персидскими коврами, дверь в избу завешена гобеленом, стены также убраны драгоценными коврами савонери, лавки покрыты красным сукном, простой деревянный стол с ковровой салфеткой, на котором стоял серебряный чайный сервиз, а на окнах расставлены серебряные принадлежности дорожного погребца. В углу стояла складная кровать, на которой подчас лежала молодая красавица, окутанная в дорогую шаль и в легком дезабилье, обшитом дорогами блондами и кружевами.

Такая Лаиса или Аспазия, интимная приятельница какого-нибудь усача-банкомета, была посвящена во все таинства игры и во все

плутни шулерства; она была здесь временная гостья, дормез ее или каретка в четверку лошадей стояла на постоялом дворе. Госпожа эта приезжала сюда на денек или два помочь своему другу в картежных делах. Постоянная квартира у ней была в городе. Ее знала вся кутящая молодежь. Жизнь ее верно определял романс, говоря:

*Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал,
Всякий искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал...*

И нередко веселые гости такой прелестницы после нескольких бокалов «искрометного Аи», закладывали банчишко, в конце которого иной гость оставался без тугонабитого бумажника, а другой уходил домой и без родового имения.

Про азартную игру этих забытых былых времен находим несколько эпизодов в рассказах С. Славутинского и С.П. Жихарева. Так, последний рассказывает, как он был в Москве в гостях у известного откупщика П.Т. Бородина, и как в кабинете хозяина на двух больших круглых столах кипела такая чертовская игра

в банк, что «от роду, – восклицает Жихарев, – я не видывал столько золота и ассигнаций. На одном столе металы попеременно князь Шаховской, Чертков, Киселев и Рахманов (дядя известного гастронома, игрок, выигравший более 2 млн. руб.). На другом – братья Дурново, Михель и Раевский; понтировало много известных людей. Какой-то Колычев, небогатый вологодский помещик, проиграв 5 тыс. руб., очень хладнокровно заплатил и отошел». В другой раз Жихарев рассказывает, как, Ст. Шиловский выиграл 5 тыс. у генерала Измайлова, и тот заплатил ему деньги не только без неудовольствия, но еще впридачу подарил ему славного горского полевика. Этот Л.Д. Измайлов, известный рязанский и тульский помещик, любил все шумные и разгульные удовольствия, ради них он посещал Лебедянскую ярмарку, где тогда собирались для покупки лошадей все ремонтеры кавалерийских полков и помещики, коннозаводчики Тамбовской и соседних губерний, почти все считавшие обязанностью играть здесь бешено в карты, пьянствовать, кутить и буйствовать напропалую. Измайлов любил на яр-

марке выказать во всей красе пред многими достойными лицами свою бестолковую помещичью роскошь, свое крайне разнузданное самодурство. Измайлов был очень богат; здесь он проигрывал по 100 и более тыс., ставя на одну карту по 10 тыс. Измайлов любил только простые, русские потехи – псовую охоту, скачки на дальние расстояния, борьбу, кулачные бои, гулянки с попойкой и адской игрой по целым ночам.

Гости его всегда должны были быть готовыми на все, что ему было угодно. Он не чинился с ними, и провинившихся в потехах наказывали «лебедем», т. е. огромной пуншевой чашею, которую приходилось осушить в один прием, а также и арестом на хлебе и воде. Портрет Троекурова в повести Пушкина «Дубровский» списан с Измайлова.

Когда он командовал рязанским ополчением в 1812 году, то каждый день ополченские офицеры обедали и ужинали у него поголовно. Полтораста лихих троек находились в распоряжении их – катайся, сколько душе угодно!

Во время похода за границей он удивлял

роскошью немцев; в заграничный поход из собственных своих средств он истратил на ополчение громадную для того времени сумму – миллион рублей.

С лишком пятьдесят человек из крепостных служителей – камердинеры, официанты, простые лакеи, казаки, кучера и псари – сопровождали его; не забыл он тоже взять с собою несколько лиц и из женской прислуги, особенно печальном значении которых нечего и распространяться. Охотничьих его собак, борзых и гончих, везли в больших, нарочно для того устроенных фургонах. Лучшие из этих собак имели особенный костюм: какие-то епанечки на спинах, какие-то шапочки на головах.

У него был еще слуга под названием Гусек, обязанность которого была разъезжать по его деревням в особенном экипаже, называвшемся «лодкой», для сбора девок на генеральские игрища. У него находился целый штат песенниц и плясунов. Все почти рязанские дворяне так и льнули к нему, составляя постоянную его свиту, сопровождая его толпами на картежную игру, псовую охоту, на скачки, на иг-

рища и всюду, где он изволил тешиться.

Жихарев про Измайлова говорит, что он, бывало, напоит мертвецки пьяными человек пятнадцать небогатых дворян-соседей, посадит их еле живых в большую лодку на колесах, привязав к обоим концам лодки по живому медведю, и в таком виде спустит лодку с горы в реку; или проиграет тысячу рублей своему приверженцу Шиловскому, вспылит на него за какое-то без умысла сказанное слово, бросит проигранную сумму мелкими деньгами на пол и заставит подбирать его эти деньги под опасением быть выброшенным за окошко!

Вот как описывает очевидец молодецкий проигрыш и еще более молодецкий отыгрыш Л.Д. Измайлова. Он понтировал у князя Урусова державшего огромный банк вместе с князем Шаховским и многими другими дольщиками. Измайлов приехал с какого-то обеда вместе со своими рязанскими приспешниками. Войдя в залу, сел в некотором отдалении от стола, на котором метали банк, и задремал. Банкомет спросил его, не вздумает ли он поставить карту. Измайлов не отвечал и про-

должал дремать. Банкомет возвысил голос и спросил громче прежнего:

– Не поставите ли и вы карточку?

Измайлов очнулся и, подойдя к столу, схватил первую попавшуюся ему карту, поставил ее темною и сказал:

– Бейте пятьдесят тысяч рублей.

Банкомет положил карты на стол и стал советоваться с товарищами.

– Почему же не бить? – сказал князь Шаховской. – Карта глупа; а не бивши – не убьешь.

Князь Урусов взял карты и соника убил даму. Измайлов не переменялся в лице, отошел от стола и сказал только:

– Тасуйте карты, я сниму сам.

Банкомет стасовал карты и посоветовался еще раз с товарищами. Измайлов пошел опять к столу и велел прокинуть. Урусов прокинул. Фоска идет 50 тыс.! – и по втором абцуге Измайлов добавил 50 тыс. мазу. У банкомета затряслись руки, и он взглянул на товарища так жалостно, что князь Шаховской не выдержал, усмехнулся и сказал ему:

– Ну, что ж? Знай свое, мечи да и только.

Банкомет повиновался, и через несколько абцугов трефова девятка проиграла Измайлову. Окружающие его дворяне стали шептать ему на ухо, что не перестать ли, потому что, кажется, не везет, но этого довольно было, чтобы совершенно взволновать.

Измайлова, который все любил делать наперекор другим: он схватил новые карты, выдернул из середины червоную двойку и сказал: «Полтораستا». Банкомет помертвел и остолбенел: минуты две продолжалась его нерешимость, но князь Шаховской опять ободрил своего собрата:

– Чего испугался? Не свои бьешь.

Урусов заметал; долго не выходила поставленная карта, и все присутствующие оставались в каком-то необыкновенно-томительном ожидании, устремля неподвижные взгляды на роковую карту, одиноко белевшуюся на огромном зеленом столе, потому что другие понтеры играть перестали. Наконец князь Урусов против обыкновения своего стал метать, не закрывая карт своей стороны, и червонная двойка упала направо «Ух!» – вскрикнул банкомет. «Ух!» – повторили его товари-

щи. «Ух!» – возгласила свита Измайлова, но сам он, не изменившись в лице и не смутившись, отошел от стола, взял шляпу, поклонился хозяевам и сказал:

– До завтра, господа, утро вечера мудренее. – И вышел вон добрее, чем вошел.

Тут начались совещания: надобно ли будет завтра продолжать метать ему банк или удовольствоваться этим выигрышем. Большинство голосов решено было метать до миллиона, но проигрывать не больше настоящего выигрыша. На другой день в Москве ходили уже слухи, что Измайлов проигрался. Чтобы забыть о проигрыше, Измайлов купил знаменитого рысака Красика у Лопухина, заплатив за него почти баснословную цену по тому времени – 7 тыс. руб. Вечером Измайлов был опять у Урусова. Долго шла игра, но Измайлов как будто не решался принять в ней участие. Только после ужина придвинулся он к столу и поставил на две карты 75 тыс. руб. Банкомет метал уже без робости. Обе карты выиграли Измайлову, он загнул их и сказал: «На следующую талию». Урусов стасовал карты. Измайлов поставил две новые карты и, не взгля-

нув на них, загнул каждую мирандолом. По второму абцугу он вскрыл одну карту, которая оказалась десяткою и уже выигравшею соника; он перегнул ее и сказал: «По прикидке», – вскрыл между тем другую карту, которая тоже оказалась десяткою и, следовательно, также выигравшею, он перегнул и положил на первую очень спокойно, как будто дело шло о десятках рублей, а не о его родовом имени Деднове, с которым он в случае дальнейшего проигрыша решил расстаться. У князя Урусова заходили руки, но делать было нечего, карты поставлены мирандолом и отступить не было возможности. После нескольких абцугов десятка опять выиграла; банкомет бросил карты и встал из-за стола, а Измайлов прехладнокровно предложил ему загнуть мирандоль, но банкомет не согласился.

– Ну, так мы квиты? – сказал Измайлов и тотчас же уехал домой, где его уже ждали с поздравлениями цыгане, с песнями и плясками по случаю покупки Красика.

Мне передавал покойный коннозаводчик И.П. Петровский про Измайлова, которого он

знал лично в своей молодости, что последний для игры приезжал всегда со скачки в Петровский парк к содержателю одного французского ресторана, у которого для игроков в саду была выстроена особенная беседка. Здесь метал крупный банк, и шла такая азартная игра, которая и не снилась нынешним игрокам. За зелеными столами там заседали такие тузы, как братья Мосоловы, Всеволожские, Чемменский, побочный сын графа Орлова, Чемоданов, Савелов, Яковлев-Собакин, Гундоров, Гусятников и многие другие. Измайлов до игры садился всегда в большие вольтеровские кресла и после легкого всхрапа протирали глаза, выпивал холодного квасу, подымал с полу первую валявшуюся карту и ставил, если это была не фигура, на каждое очко по тысячам и после выигрыша или проигрыша в несколько тысяч с вольным сердцем молча выходил из комнаты, садился на линию и возвращался домой.

Много рассказов ходило в Москве про двух братьев Н.; игру одного из них считали даже нечистою. При посещении этого игрока в кабинете его изумленный посетитель на одном

из столов находил целую меняльную лавку. Здесь в правильных столбиках стояла звонкая российская монета всякого достоинства, начиная от золотых лобанчиков и полуимпериалов до серебряных пяточков и рублевишков. Он не играл иначе, как на звонкую монету, и таким привлекательным видом золота и серебра соблазнял не одного молодого игрока. Рассказывал также, что у него на диване лежала подушка, набитая скомканными ассигнациями. По рассказам, годовой его оборот на зеленом поле исчислялся не одним миллионом рублей, и чтобы играть с ним, некоторые из любителей азартной игры играли только своими картами. Так, рассказывали, что он ухитрился выиграть у известного московского богача М. П-на все его миллионное состояние. Последний, чтобы застраховать себя от его мошенничества, играл с ним только у себя дома и своими картами, которые держал в шкафу под замком. Н. ухитрился подкупить слугу М. П-на и обменять все нижние игры карт на свои.

В один прекрасный вечер игра у М. П-на началась с Н. всерьез, и когда играли первы-

ми верхними колодами, Н. проигрывал, но как дело дошло до нижних, то М. П-н оказался чист, как сокол, даже без своего чудного дома на Тверском бульваре. Это так его поразило, что он не пережил недели и умер от удара. Карточную крупную карьеру братьев Н-в погубили известные на поприще казнокрадства братья-хлебосолы – один из братьев Н-в умер чуть ли не в крепости.

Большое недоверие к чужим картам питал и известный богач Савва Яковлев, но и его вскоре поддели на хитро придуманную штуку. Яковлев играл тоже только своими картами, которые держал под замком, но их сумели подменить краплеными ловкие шулера и в один вечер выиграть на них сотню тысяч. Рассказывали, что во время пребывания Яковлева в Париже он где-то играл, не выпуская из объятий одну французскую Цирцею. Покрываемый поцелуями красавицы, сидевшей у него на коленях, он не задумался поставить на одну карту миллион франков. Карта была проиграна. Яковлев сознался, что у него столько нет денег, чтобы сейчас расплатиться, и даже такой суммы не найдется и у его

здешнего банкира. Но вот он дает документ, и, эксцентричный во всем, он тщательно вырезает кружок зеленого сукна с ломберного стола и на нем пишет мелом: «Миллион франков, проигранный в Париже, – долг чести, уплачиваемый в Петербурге. Савва Яковлев». Сукно это тщательно было вставлено под стекло и отослано в Петербург, где и было уплачено в конторе отца-самодура.

IV

Игра в Английском клубе. – Шулерские плутни. – Центры азартных игр. – Шулер-иллюминат Перрен. – Князь А.Н. Голицын и его жена. – История рулетки. – Рассказы про старых шулеров. – Чудесная табакерка и не менее чудодейственный портсигар. – Азартная игра в Сибири. – Исторические шулера: Чивеничи и Долгашев

Игра в старину большая велась и в Английском клубе, и старые старшины говаривали, что записные игроки суть корень клуба – они дают пищу его существованию, прочие же члены служат только для его красы, его блеска. Доход от карт в былые годы доходил ежегодно почти до полутора ста тысяч рублей. Можно судить, как велика была здесь игра. Я думаю, еще многие из членов этого клуба помнят генерала Су-а, что играл в пикет и палки по 25 руб. за фишку. Опытные игроки говорят, что всякая игра более или менее

азартна, т. е. более или менее подвержена случайности. Обыкновенно азартными играми называют игры безкозырные. Но и так называемые коммерческие игры иногда опаснее неопытным новичкам: против них могут действовать умение противника и случайность в сдаче ему хороших карт, не говоря уже о некоторых соображениях, при которых хорошие карты непременно очутятся в его руках. В старое время, как мы выше говорили, общепринятая игра была *бостон*. Кто-то сказал, что в ней неминуемо иметь дело с двумя неприятелями и одним предателем, который идет тебе в вист. Всякая игра – бой: умение умением, но есть и доля счастья и несчастья, т. е. случайности, следовательно, азарта. Есть люди, предопределенные роковою силою неминуемому проигрышу. Американец Толстой говорил об одном из таких обреченных, что, начни он играть в карты сам с собою, то и тут найдет средство проиграться.

В сороковых годах в N-ском гусарском полку служил богатый смоленский помещик Бавов, который очень любил играть в карты, но и очень боялся играть с незнакомыми. Он

платил большие деньги за объяснение разных шулерских приемов. Так, у него была серебряная шестерка, которая при загибе угла превращалась в семерку. Она была так искусно подделана под настоящую, что даже самый опытный глаз не мог этого заметить. За эту шестерку он заплатил какому-то искуснику 2 тыс. руб.

Тоже некогда наделавшая столько шуму в обеих столицах зрительная труба с сильно увеличивающими стеклами, изобретенная каким-то моряком В., настоящим профессором карточной пестрой магии, была им куплена чуть ли не за 5 тыс. руб. Эта труба наводилась на играющих и из другой комнаты давала возможность легко отличать не только карты, но даже читать на них едва заметный теневой крап, т. е. меченый.

Нигде азартные игры не достигали таких чудовищных размеров, как в Москве; в этом отношении также славился в былые времена и Тамбов. В Москве беспрестанно случались самые скандальные истории, где главная роль принадлежала картам. Так, в первых годах нынешнего столетия там был накрыт рус-

ским Сартином, обер-полицмейстером Н.П. Архаровым, большой игорный дом, содержащий парижским искателем приключений Дюкро, известным более под именем Перрена. Ловкий француз был большой мастер своего дела: он выдавал себя за несчастного эмигранта, потерявшего все состояние во время революции, но, в сущности, это был прехитрый шулер, погубивший многих молодых людей из лучших фамилий. У него была для виду квартира на Мясницкой, в доме Левашова, в доме Мартьянова, где собирались играть и кутить. У этого содержателя притона было много помощников обоего пола. В Кожевниках содержала квартиру мадам Пике и жила с хорошенькою швеею Шевато. Здесь играли в фараон, какой-то немец Мозер в качестве домашнего друга держал банк. По показанию хозяйки дома Пике, что в этом доме делалось, она сказать не могла, т. к. некоторые посетители не встречались друг с другом и их принимали в особых кабинетах и они при входе виделись только с одним Перреном. Там бывали и женщины, и, как признавалась мадам Питке, как низко она сама ни упала, но сты-

дится объяснить все то, на что эти женщины решались и на что способны решиться. Когда был сделан обыск этой квартиры, то в особом кабинете была найдена небольшая лаборатория, собрание разных физических и оптических инструментов, много книг и рукописей по части алхимии, астрологии и магии, наконец несколько тетрадей с разными рецептами и средствами к сохранению молодости, красоты, обновлению угасших сил, возбуждению сердечной склонности, пропасть склянок с разными настойками и другими неизвестными жидкостями, множество заготовленных на разных составах конспект и, главное, сверх того большое количество фальшивых и крапленых карт и подделанной зерни. Как содержатель этого игорного дома Перрен, так и его сотрудники все были высланы за границу.

Главной жертвой этого Перрена был князь Алекс. Ник. Голицын, внук знаменитого фельдмаршала князя Михаила Михайловича Старшего и сын обер-гофмаршала Екатерины II, князя Николая Михайловича. Этот князь Голицын отличался крайним самодур-

ством, за которое в Москве его прозвали именем оперы, бывшей в то время в большой моде, *Cosa cara*. Про Голицына рассказывали, что он отпускал ежедневно кучерам своим шампанское, что он крупными ассигнациями зажигал трубки гостей, что он бросал на улицу извозчикам золото, чтобы они толпились у его подъезда, и проч. и проч. Голицын имел 24 000 душ крестьян – разумеется, все это громадное состояние пошло прахом. Голицын проиграл Перрену несколько сот тысяч; он подписывал векселя не читая, сумма прописанных денег на последних ставилась не буквами, а цифрами, так что займодавцы на досуге легко приписывали к означенной сумме по нулю, а иногда по два и по три. Все прочие действия и расходы этого барина были в таком же поэтическом и эпическом размере. В последние годы своей жизни он получал личное денежное содержание от племянников своих, светлейших князей Меншиковых и князей Гагариных. Никогда он не сожалел о своей прежней пышности и о прежнем своем высоком положении в обществе, а наслаждался по возможности жизнью, был всегда

весел духом, а часто и навеселе. Князь Вяземский говорит: уже принадлежавши Екатерининскому времени, он еще братался с молодежью и разделял наши невинные и винные проказы. В старости он сохранял вельможескую наружность. Жуковский, нашедши его по приезде в деревню к молодому Вяземскому близким домашним человеком и пеняя ему за некоторые другие его знакомства и связи, похвалил его за то, что он умел привлечь к себе такого степенного и почтенного старичка. Разумеется, он вскоре разглядел его и часто сам смеялся над своим скорым и опрометчивым приключением. Жена этого Голицына, урожденная Вяземская, при жизни его вышла замуж за графа Льва Кир. Разумовского. Князь Голицын, несмотря на шум в обществе, который наделал этот брак, не переставал вести дружбу с графом Разумовским, часто обедал у своей жены и нередко даже с нею показывался в театре.

Жена Разумовского, «отпущенница» Голицына, графиня Марья Григорьевна, под старость,[2] как и ее первый муж, сильно любила азартную игру. Играла она больше в рулетку

на водах и особенно в Монако, куда ее привозили почти дряхлой старухой. Страсть наших бар к публичной азартной игре в Гомбурге, Эмсе, Бадене, Аахене, Спа и др. развилась почти с учреждением в этих местах игорных домов, и многие из русской знати избрали постоянным своим местом пребывания преимущественно Баден и Гомбург, где купили себе прекрасные виллы и дома. Начало рулеток в курортах надо приписать закрытию публичных игорных домов в Париже. Хотя последнее обстоятельство и расплодило там множество тайных притонов игры, но доход с этих заведений обогащал хорошеньких патронесс и их молодцев-греков. Здесь кстати сказать, откуда взялось название во Франции шулера «греком». В конце царствования Людовика XIV один греческий дворянин, по имени Апулос, был допущен ко двору. Он участвовал там в игре так удачно, что вскоре возбудил подозрение по своему огромному счастью. Однако, несмотря на удивительную ловкость, он был пойман в плутовстве и сослан на галеры на 20 лет. Это происшествие наделало много шума, и с этого времени всякого желающего по-

правлять свои дела бесчестным образом начали называть Апулосом или просто греком.

Но, возвращаясь к истории рулетки, мы видим, что рыцари *trente et quarante* по закрытии их домов в Париже оставались в бездействии и праздности, теряя даром золотое время. Привыкшие к огромным барышам, такие хозяева игорных домов – Беназе и Бри- соль – придумали найти для своих операций новое местечко, и вот они отправились на благодатный немецкий Рейн, на берегах которого было рассеяно много владений мелких немецких князей, и предложили им самые выгодные, самые щедрые предложения, получили привилегию, и рулетки с *trente et quarante* раскрыли свои заманчивые столы, и в курзал Бадена стало съезжаться народу более, чем в двадцать раз против прежнего. Из всех мест на Рейне, где шла публичная игра, самая сильная была в Гомбурге. Банк отвечал там 400 000 франков и высшая маза или ставка 12 000 франков. Игра там продолжалась с 11 часов утра до 11 часов ночи. В Гомбурге некто Гарсиа выиграл более миллиона франков, и три наши соотечественника сорвали

несколько банков. Рулетка изобретена в Париже и введена в употребление в первый раз в салонах отелей Живри и Суасон, знаменитых по страшной игре, которая там происходила. Впоследствии братья Перрены усовершенствовали ее. Сначала они имели только номера, числом 36, и два цвета – черный и красный. Перрены прибавили к ней чет и нечет, *manque* и *passé*, первую, вторую и третью дюжину, три колонны и главное два зеро, т. е. два плие или два такса, при которых все проигрывали. Игра в рулетку – самая азартная из азартных, в несколько минут можно потерять все состояние; в *trente* и *quarante* есть еще какой-нибудь расчет, который может руководить опытного и благоразумного игрока, в рулетке же – никакого. Рулетку не раз подвергали своим плутням шулера: один из таких, старый геометр, сделал рулетку, в которой черные клетки были несколько побольше, чем белые, для того чтобы шар в своем ходе имел более шансов падать на первые, чем на вторые. Чуть ли некогда в Петербурге, в одном игорном доме, прозванном «Мельницей», было сделано очень хитрое такое усо-

вершенствование, и в игральном столе находили скрытый механизм, который направлял по воле хозяина в клетку чет или нечет. Маленькое движение под столом сжимало все четы, если он видел, что в чете стоит больше денег, и шар принужден был идти туда, куда не был прегражден вход. В то время, как это происходит, понтер считает красные и белые, справляясь с вероятностью, но что значит самые ученые выкладки против легкого движения коленом.

Вообще наши шулера ни в чем не уступали французским грекам. Сколько почти невероятных рассказов известно про их подвиги на ярмарках между ремонтерами и помещиками. В начале нынешнего столетия жил в Петербурге один из таких шулеров с совсем спокойною совестью, в довольстве и с многочисленными друзьями. Он выстроил себе в Петербурге великолепный дом, окруженный садом (дом этот принадлежит одному из богатейших князей). По рассказам, в его кабинете между разными картинами первых мастеров Европы висела в золотой рамке пятерка бубен; повешена она была хозяином в знак при-

знательности за то, что она рутировала ему в штос, который он когда-то метал на какой-то ярмарке и выиграл миллион.

В Москве в пятидесятых годах был известен один барин, принадлежавший к высшему кругу общества, с которым даже в коммерческие игры садились играть не иначе, как с условием, чтобы он никогда не тасовал и не сдавал карт, и он покорялся этому требованию с величайшим хладнокровием. Другой такой же профессор карточной магии и уверял, что только одни дураки могут играть в карты не наверное, и очень наивно признавался что он всего только два раза в жизни передернул.

– Помилуйте, господа, – говорил он, – войдите в мое положение: я метал банк, карта шла на 60 000, я подумал: «Жена, дети, семейство!» – подумал и передернул; поверьте, всякий, кто обладал бы таким же талантом, как я, сделал бы то же самое на моем месте.

Про этого же самого господина рассказывает Н. Макаров. Однажды в Москве он долго метал банк, понтеров было много, карт стояло еще более, за которыми надо было следить с напряженным вниманием. Утомившись, он

посадил вместо себя своего товарища, а деньги, бывшие в банке, и выигрыш положил под подсвечник, как это часто делается. Игра шла своим чередом, игроки разгорячились и стали увеличивать куши. Товарищ, метавший банк, видя одну карту, которая пала на очень большой куш, передернул, но как-то неловко, так что мошенничество это тут же было замечено. Тот, у кого шла карта, схватил подсвечник и ударил им по лицу метавшего, другие понтеры схватили деньги и стали делить их между собой. Тогда наш господин, посадивший за себя товарища обратился к игравшим с следующей речью.

– Господа! На что это похоже! Он осел, личность его я предоставляю вам, делайте с ним что угодно, но деньги то брать не следует, это неблагородно!

Еще недавно здравствовал в Москве один барин, который играл только в коммерческие игры, и играл так счастливо, что ему все завидовали, и если бы не один случай, то тайна его счастья так и умерла бы вместе с ним. Дело было в том, что этот господин, садясь играть, клал подле себя табакерку, на крышке

которой находилась небольшая миниатюра артистической кисти Пето с изображением анакреонтической сцены. Партнеры любовались этой миниатюрой, брали в руки табакерку и рассматривали вблизи. Когда же началась игра, владелец подвигал табакерку к себе, брал из нее щепотку табаку и в это время незаметно трогал скрытую пружину, отчего на место миниатюры являлось небольшое выпуклое зеркало, с помощью которого он, сдавая карты и держа их над табакеркой, видел их все благодаря отражению в зеркале. Когда не надо было, он опять выдвигал медальон и вежливо предлагал своим жертвам понюхать табаку. Но раз как-то скрытый механизм заупрямился, и предательница-табакерка выдала тайну коварного счастливица.

Аналогичная история с этим произошла и в наши дни на Николаевской дороге. Лет пятнадцать тому назад ехал в Петербург известный племянник не менее известного московского миллионера. Путь держал он в обществе очень богатого купца, но очень жадного на верный выигрыш, и еще некоего театрального мужа. Последний, как говорила сканда-

лезная хроника, владел чудодейственным портсигаром, внутренность которого сияла лучше всякого бриллианта и венецианского зеркала, выдавая предательски владельцу все карты его партнеров. Путь был дальний, друзья после приличного возлияния засели перекинуть в бакара; результат игры вышел такой, что магический портсигар помог артистическому мужу выиграть от благодушной слепоты 14 000 руб.

По рассказам сибиряков, там до того в старое время доходила азартная игра, что приказные ставили на кон своих жен и дочерей. Золотопромышленники во время золотой горячки играли везде, где только могли, и бывали случаи, что азартная игра возгоралась и между рабочими при выходе из промыслов. Так, на Енисейских промыслах на реке Ангаре по дороге идут деревни, названия которых явно свидетельствуют, что здесь предавались азартной игре с неистовством. Вот клички этих поселков по порядку Мотыгино, Погорюй, Потоскуй, Поиграй и т. д. Счастливицы, как рассказывают, набив карманы ассигнациями, от кабака до кабака ездили в санях, за-

прягая на место лошадей баб и выходя в аршинную грязь, бросали ассигнации и ступали по ним.

Особенно процветала между служившими на промыслах игра в ремешок, искусство состояло в том, чтобы суметь попасть шилом в петлю и зацепить ремешок. В эту игру проигрывали немало денег тогдашние золотопромышленники С-вы, З-вы, Г-вы, С-вы. При Омском губернаторе служил один чиновник-немец, который ухитрился выиграть в эту игру до полумиллиона рублей. В Томске в старину было немало игорных домов. Из крупных был известен один, который держал ссыльный француз, известный под кличкой Тала бала. Другой содержатель такого же игорного дома, еврей Х, настолько был жаден на выигрыш, что когда все гости входили домой, то он садился играть с своим слугой и отбирал от него все деньги, которые он выручал с гостей за карты.

Во время существования кабинетских крестьян в городе Барнауле карточная игра между горными инженерами доходила до колоссальных размеров. Там играли суток по двое

подряд, пока не сваливались под стол. В этом городе существовала в одном доме, отделанном с полуазиатской роскошью, «академия игры», где метали банк и играли в другие азартные игры на сотни тысяч в вечер.

Как ловкий шулер в Москве и Петербурге был известен в двадцатых годах некто Чивеничи; он служил прежде в одном из кавалерийских полков, существовал же игрою в карты, да покупкою, меною и продажею лошадей. Жизнь он вел очень открытую и богатую.

Чивеничи прославился по крупному мошенничеству. Он воспользовался бывшим в Петербурге большим наводнением, сочинил Высочайший рескрипт на имя одного московского богача, грека Сивениуса, подписался под руку императора Александра I, в рескрипте повелевалось Сивениусу ссудить его величество полумиллионом рублей ассигнациями для вспомоществования пострадавшим от этого несчастного события, вручить эту сумму высочайше командированному Чивеничи, с этим еще в рескрипте значилось, чтобы Сивениус доверил еще Чивеничи и драгоценную жемчужину, которую государю бла-

го-угодно было показать прибывшим тогда заграничным августейшим особам, причем вменялось ему обо всем этом хранить величайшую тайну.

Чивеничи, явясь к Сивениусу, вручил ему поддельный рескрипт, а этот богач, обрадованный таким милостивым вниманием государя, поспешил выдать Чивеничи как требуемые деньги, так и жемчужину. Получив сокровища, Чивеничи приехал в Петербург, затеял там свадьбу с классной дамой Смольного монастыря, любимицей покойной императрицы Марии Феодоровны, и намеревался, вступив в брак, уехать немедленно за границу. Но случилось, что вскоре обман его нечаянно был открыт Московским Военным генерал-губернатором князем Голицыным. Последний немедленно дал знать об этом в Петербург, Чивеничи был схвачен и посажен в Петропавловскую крепость, жемчужина и деньги, за исключением небольшой суммы, проигранной им, были от него отобраны и возвращены Сивениусу. Чивеничи впоследствии, в 1826 году, был вместе с женою изгнан за границу, в Турцию, там он тоже что-то на-

проказил и едва ли избег смертной казни.

Не меньшею славою такого же карточного хищника гремел в конце двадцатых и начале тридцатых годов в Петербурге некто Долгашев, он же Смоленский – очень загадочная и непонятная личность. Этот весьма вредный господин был самый искуснейший игрок как на билиярде, так и в картах, в игре на билиярде ему не было соперников в Петербурге; он почти жил у ресторатора Лефана (потом Дюссо), где особенно ловко обыгрывал своих жертв, особенно молодых и богатых людей. Квартира этого Долгашева была в Морской, отделана очень роскошно и изящно и полна всевозможными редкостями, на окнах стояли драгоценные амфоры чуть ли не времен Сарданапала, этрусские вазы, современные Аннибалу, сыну Амилькара, саксонский фарфор времен короля Августа, мебель Людовика XVI и других царственных особ Франции и Италии. Кровать, на которой он почивал от трудов своих, принадлежала несчастной королеве Марии Антуанетте. Долгашев вполне понял, что наши жуиры снизойдут до каких угодно ступеней, только умеете обставить

грязь известным блеском изящества. Он хорошо знал, что наши благородные игроки с тугими бумажниками любят комфорт и покой для того, чтоб их занятие вышло как можно изящнее. На этот высший тон игры и избранное общество очень манится, в особенности разные зажиточные интенданты, купцы, банкиры, которые после денег всегда больше всего гоняются за избранным обществом. Разнузданный порок скорее всего отталкивает не потому, чтобы он возмущал нравственное чувство своего изящного поклонника, но потому что он оскорбляет чувство изящного, — этого соблазнительнейшего покрова всякой страсти. Долгашев имел вид барина, всегда со вкусом хорошо одетого; он называл себя фридрихсгамским первостатейным купцом, по происхождению будто бы был якобы белевским мещанином, звали его Александром Герасимовичем. В ресторанах он был больше известен под именем Смоленского. Впоследствии Долгашев был временным Первой гильдии с-петербургским купцом и участвовал даже в откупах в польских губерниях. По всем данным, Долгашев был не тем, что вся-

чески желал из себя представить, – он не был простолюдин; в сильно пьяном виде, что с ним встречалось весьма редко, он иногда проговаривался на превосходном французском и немецком языках; языкознание он тщательно скрывал от всех. Также более всего поражали его странные, но случайно вырывавшиеся у него выходки: так он впросонках командовал, подобно полковому командиру, а на обеих ногах его на щиколотках были глубокие следы оков.

В течение своего более полутора десятка лет пребывания в Петербурге Долгашев обманул и обыграл многих богатых и небогатых людей. Хорошо знавшие его говорили, что он нередко привозил домой большие узлы из салфетки, в которых было множество пачек ассигнаций различного достоинства.

Мы в одном из наших фельетонов «Петербургская старина» рассказали о крупном мошенничестве Долгашева, которое в свое время в Петербурге наделало много шума и осталось до сих пор покрытым мраком неизвестности.

Игроки тридцатых годов. – Московская шайка. – Игрок Разумовский. – Американец Толстой и Волконский. – Случай с композитором Алябьевым. – Проделки петербургских игроков. – Проигрыши казенных денег господами Клевенским и Политковским. – Картежные дома в позднейшее время

В тридцатых годах нынешнего столетия проделки рыцарей зеленого поля были особенно смелы и часты. В обеих столицах существовало несколько игорных домов, где шайки шулеров действовали с необыкновенною наглостью. Без товарищей, один, шулер ничтожен, одному играть рискованно, и в случае разоблачения проделки за него некому вступитья и принять его сторону, в споре ему необходимы помощники. В игре в банк и ей подобных один – его кажущийся антагонист если нужно, он скажет «атанде», если товарищ-банкомет забыл число прометанных

абцугов, он ловко напомним и т. д. Другой товарищ – его дольщик: он держит банк с ним пополам, значит, имеет право прометать за него или дать ему другую колоду; сбился баламут[3] или абцужный, он его поправит, пришлось делать переборку на большее число абцугов, он, шая, сделает ее, ему это ловко, он сидит рядом с банкометом и на него никто не обращает внимания. В коммерческих играх один товарищ тоже необходим: играть одному – нахальная дерзость, тогда он должен сам делать и подбор, и вольт, что не может остаться незамеченным. Товарищество в шулерах необходимо: они связаны общим интересом и каждое лицо необходимо в компании. Один – техникой неуловимо делает держки, вольты и прочее; другой имеет дар завлекать, дружиться и «путать»; третий отлично живет, имея богатую квартиру с приманками для пижонов; четвертый обладает талантом пронюхать, у кого можно выиграть, пятый всегда в деньгах, у него хорошее знакомство и т. д. Таким образом, хорошо организованная шайка шулеров живет как нельзя лучше, и стоит только попасть туда богато-

му пижону, редкий из них отделается тысячу, а другой всем состоянием. Эти милые люди увлекут хоть кого своими ужинами с очаровательными девицами; в конце ужина всегда завязывается игра, о результате которой нетрудно догадаться.

Такая хорошо организованная шайка действовала особенно нагло в Москве в описываемое время, она при помощи своих агентов узнавала о прибывающих в первопрестольную столицу богатых лицах, только что получивших наследство провинциалах или просто зажиточных людях и ловко завлекала таких неопытных людей к себе, где красивые барыни были особенно любезны с ними. На вечерах шампанское было в изобилии. К вину нередко подмешивали одуряющие наркотические средства; особенно одно время был известен так называемый кукельванец. Он имел такое странное свойство, что не лишал пижона физических сил, но, затмевая рассудок, совершенно отнимал у него память о том, что происходило с ним и вокруг него. Опойенный «кукельванцем» делался положительно автоматом, бессознательно исполняя

все, что ему прикажут. Очень понятно, что тогда ловкие, отборные артисты не дремали и метали банк и гости проигрывали все свои наличные деньги. Но этим дело еще не ограничивалось, являлись еще из дальних комнат невидимые лица с заемными письмами, векселями, с нотариальными книгами. Пьяного заставляли подписать заемное обязательство и его копию в книге. После такой проделки пижона отвозили домой, где он просыпал целые сутки и, проснувшись, ни о чем уже не помнил. Векселя такие, как рассказывает в своих воспоминаниях О.А. Пржеславский, обыкновенно писались на срок шести месяцев. В течение этого времени они переходили в третьи или в четвертые руки, а с наступлением срока подавались к взысканию. Мошенничество было обставлено такими псевдозаконными формальностями, что судебные власти того времени, связанные буквою закона, не допускающею протеста по безденежности заемных обязательств, и не могли воспрепятствовать взысканиям. Мнимые должники, ничего не помня, крайне удивлялись, всеми силами протестовали против взыскания, но т.

к. не могли оспаривать своей подписи ни на вексель, ни в нотариальной книге, то в конце концов должны были уступать и платить. В Москве одна такая шайка, пожелавшая заполучить сразу большой куш, попала на следующем мошенничестве. В те года прибыл в Белокаменную повеселиться один молодой богатый офицер, единственный племянник старушки-миллионерши. Члены шайки, все люди «светские», постарались сблизиться с ним. Устраивали у себя вечера с ужинами как во времена регента, с обильными возлияниями и полудевицами. После ужина метали небольшой банк. Офицер посещал вечера, но не пил вина и не играл ни во что. Шулера придумали с ним следующую штучку. Одна из присутствовавших на ужинах прелестница, по-видимому, очень нравилась ему; они заставили ее назначить ему свидание. Место, выбранное для rendez-vous (свидания), было в глухом переулке между огородами и садами. Возле самого дома стояла полицейская будка. Офицер приехал в дом, его впустил лакей, заплатил извозчику и велел ему ехать прочь, сказав, что господин здесь остается на ночь.

Войдя в очень плохую квартиру, офицер не нашел той женщины, которая к нему писала: вместо нее приняли его какие-то незнакомые личности самого непривлекательного вида. Офицер обошел квартиру и, подозревая мышеловку, хотел уйти, но нашел все двери запертыми, а принявшие его личности сказали ему, что он ранее от них не уйдет, пока не исполнит одного неременного условия. Последнее состояло в том, что он должен подписать на гербовой бумаге и в нотариальной книге заемное обязательство в 150 000 руб. задним числом и сроком на шесть месяцев, на имя какого-то незнакомо­го господина. Офицер отказался от этого; тогда мошенники заявили ему, что его будут сечь розгами до тех пор, пока он не поумнеет и не сделает того, к чему его они принуждали. Когда и за этим офицер не соглашался, то его раздели и секли нещадно. На его крики никто не являлся. Наконец пытаемый согласился на все и подписал все. Его отвели в какую-то каморку и уложили в постель полуживого. Придя в себя, ему удалось выскочить в окно и кой-как добраться до гостиницы, где он жил. Утром он

отправился к губернатору и рассказал, что с ним случилось. Загорелось огромное дело. Розыски долго не приходили к хорошему результату, и только один случай помог к открытию. Пьяный писец нотариуса проговорился. Обнаружилась связь московских шулеров с петербургскими.

Расхищена шулерами была также часть колоссального богатства одного из Разумовских, графа Петра Алексеевича. Назначенный чиновником особых поручений при Новороссийском генерал-губернаторе герцог Эммануил де Ришелье, он окружил себя всякого рода греками, евреями, его обиравшими. Он в короткое время проиграл свой московский дом, полный всякого великолепия: мебель, картины, гобелены, портреты, бронза, фарфор – все это пошло за бесценок для расплаты за карточные долги. Проигравшись совсем, граф под Одессой на хуторе близ Молдаванки выстроил себе с безвкусными затеями дачу. Под дачею он велел вырыть лабиринт, многочисленные извилины которого ему лишь одному были известны. Туда он забирался играть в карты, когда к нему являлись нежданные го-

сти.

В двадцатых годах в обществе также много говорили про азартную игру известного Толстого-Американца; говорили, что игра его на самом деле была небезупречна. Толстой и сам сознавался в этом, отказав раз своему приятелю, князю С.Г. Волконскому, метать ему банк.

– Нет, мой милый, я вас слишком для этого люблю. Если бы вы сели играть, я увлекся бы привычкой исправлять ошибки фортуны.

Новосильцев приводит рассказ, как Толстой сошелся с Нащокиным, с которым он не расставался по смерти и умер у него на руках. Вот как описывает он первую встречу друзей. Шла адская игра в клубе; наконец все разъехались за исключением Толстого и Нащокина, которые остались за ломберным столом. Когда дело дошло до расчета, Толстой объявил, что противник должен ему заплатить двадцать тысяч.

– Нет, я их не заплачу, – сказал Нащокин. – Вы их записали, но я их не проиграл.

– Может быть, это и так, но я привык руководиться тем, что записываю, и докажу это вам, – отвечал граф.

Он встал, запер дверь, положил на стол пистолет и прибавил:

– Он заряжен, заплатите или нет?

– Нет.

– Я вам даю десять минут на размышление.

Нащокин вынул из кармана часы, потом бумажник и отвечал:

– Часы могут стоить пятьсот рублей, а в бумажнике двадцатипятирублевая бумажка; вот все, что вам достанется, если вы меня убьете, а в полиции вам придется заплатить не одну тысячу, чтобы скрыть преступление; какой же вам расчет меня убивать?

– Молодец! – крикнул Толстой и протянул ему руку. – Наконец-то я нашел человека!

В продолжение многих лет друзья жили безотлучно, кутили вместе, играли и попадали вместе в тюрьму.

В эти годы также много наделала шуму в Москве криминальная история, случившаяся во время азартной игры; виновником оказался молодой адъютант начальника корпуса генерала Бороздина, известный в то время любимый композитор Алябьев; последний играл

в карты на крупный куш с князем Н. в доме не пользовавшегося хорошей репутацией господина, слывшего в обществе под кличкой калмыка. Ал-ву везло очень; раздосадованный на неудачу князь крикнул на всю залу:

– Здесь наверняка играют, у вас баламут подтасован!

– Как баламут? – вскрикнули партнеры во главе с Ал-ым.

Последний в азарте ударил шандалом по голове князя и прямо угодил в висок; после удара князь не вставал и отдал Богу душу. Ал-в был судим и отправлен в каторжную работу в Сибирь. На этот случай написан Писемским роман «Масоны».

Пржеславский в своих воспоминаниях упоминает, когда при министре внутренних дел Перовском начато было гонение на шулеров, то открыто было, что, кроме мелких трактирных и кабачных искусников, возвращавшихся в низших слоях населения, всему городу были известны шулера высшего полета, принимаемые в обществе, как-то: господа С, Г., Б., Л., К., Е., князь О., Г., К., и т. д. Некоторые имели свои дома и давали вечера. Они-то по-

стоянно обыгрывали Карабахского хана. Все они были привлечены к следствию, но никто из них не был пойман на деле и никто не признался в азартной игре. А как это происходило в то время, когда еще требовалось собственное признание, то следствие кончилось ничем. В производстве его наиболее замечательно было объяснение одного из этих господ С, который, как всем было известно, все свое значительное состояние приобрел игрою. На допросе он показал, что он не играет ни в какую игру, а карты знает только по пасьянсу, который часто раскладывает. Все люди домашней прислуги подтвердили его слова. Но по обыску открыт был большой сундук, стоявший и передней. В нем оказалось большое количество карт, углы и края которых были загнуты в виде паролей и на «пэ», что и составляло наглядное доказательство, что в доме играли в банк или в штос. Но камердинер и тут нашелся. Он сказал, что эти карты служили для чистки золоченых пуговиц на фраках их господина, и то что имело вид паролей, делалось для охранения самого платья от последней чистки.

Поводом гонения и обнаружения шаек петербургских шулеров послужило следующее обстоятельство. На углу Гороховой и Малой Морской в собственном доме жила княгиня Голицына, мать тогдашнего московского генерал-губернатора, известная в высшем обществе под названием Усатая княгиня. Она имела у себя первого в Петербурге повара-француза, обеды у нее считались самыми гастрономическими, и нередко на них присутствовали высочайшие особы. В таких случаях княгиня обыкновенно приказывала сервировать обед на серебре, подаренном императором Петром I одному из предков княжеского дома. Раз, когда высокопоставленное лицо должно было обедать у княгини, вошел к ней дворецкий и, став на колени, со слезами заявил, что исторический сервиз не будет подан к обеду, потому что он заложил его в ломбард и не имеет возможности выкупить; причиною этого поступка было, по словам виновного, то что он, произведя какую-то коммерцию, проторговался, закладом этим хотел поправить свои дела и тогда выкупить сервиз. Княгиня тотчас же распорядилась о вы-

купе, и сервис к обеду был готов, дворецкий был замещен другим, более надежным лицом, а вместе с тем стало известно, что он никакой торговли не производил, а играл в карты и был обыгран шулерами; тогда же узнали, что игра производилась в особых комнатах трактира «Вена», напротив дома княгини Голицыной.

Описание одного петербургского игорного дома находим в воспоминаниях В.Н. Гетуна; последний, еще молодой человек, был введен туда одним из приятелей, там метал 25-тысячный банк известный в то время игрок грек Полукучи, против него пункировало более двадцати человек, и все, как и надо было ожидать, оставались в проигрыше. Этот картежный дом содержал некто Смагин, тайны этого притона открыл Гетуну некто майор Гарновский, который за большую картежную игру был выслан из Петербурга и проживал в Твери под надзором полиции. Этот Гарновский впоследствии испросил разрешения возвратиться в Петербург с обязательством его подпискою, чтобы он впредь в карты не играл; он признавался Гетуну, что он, хотя в доме Сма-

гина не бывает, а барыши от игры получает, он уверял, что между картежниками существует своего рода честность и одного к другому доверенность, без чего компания их не могла бы существовать. В Москве и в Петербурге лет пятьдесят тому назад существовало три аристократических картежных дома – это были в Петербурге дома господ Ж. и Р. и в Москве – Б. По рассказам, если в Петербурге Ж. и Р. не успели обыграть кого-нибудь вконец, то в Москве Б. пускал его просто по миру, – так велико было его искусство в азартной игре.

Шулера в старину жили широко и открыто, многочисленные наши ярмарки были поприщем их подвигов и богатою жатвою. Шулера ездили артелью, знакомились с богатыми помещиками, питали также особенную привязанность к ремонтерам и казначеям. В конце сороковых и начале пятидесятых годов особенно часты были проигрыши казенных денег; так, много шуму наделал в свое время в Петербурге проигрыш 300 000 казенных денег, сделанный чиновником Управы благочиния действительным статским советником

Клевенским. Правда, часть этих денег он проиграл не в азартную игру, а в преферанс, в выигрыше от него участвовали лица, прикосновенные к сфере блюстителей благочиния и были не кто иные, как полицмейстеры 2-го и 3-го отделения города Петербурга полковники Трубачев и Ломачевский. Клевенский был предан военному суду и приговорен к лишению всех прав состояния и отдаче в арестантские роты, что были тогда в городе Нарве.

Другой случай проигрыша казенных денег был сделан тайным советником Политковским, про роскошную жизнь последнего рассказывали просто невероятные вещи – по богатству его называли петербургским Монте-Кристо. Вид этого господина не представлял ничего особенного. Политковский был брюнет, низенького роста, довольно тучный, с манерами в высшей степени самоуверенными. Он держал танцовщицу Волкову на содержании. Тогдашнее общество не допытывалось до источника дохода этого барина – все полагали, что тут главную роль играли карты. Политковский долго гремел своим богатством. Вдруг в одно прекрасное утро сдела-

лось известным, что в Инвалидном капитале оказалось похищение нескольких миллионов рублей. В действительности украдено было 1 100 000 руб. В тайне похищения участвовали чиновники счетного отделения Путвинский, Рыбкин и Тараканов, довереннейшим лицом Политковского собственно был первый чиновник, страшный гуляка и забубённая голова. Дело, как ходили слухи, началось с 10 тыс., которые при первой поверке инвалидной суммы налицо не оказались. При известии об этом Политковский заболел и спустя несколько дней умер накануне ревизии. Слухи носились, что он отравился.

После проигрыша казенных денег Политковским особенно строго стали следить за игорными домами и картежниками, с этого времени известная в Петербурге местность – угол Тюремного переуллка и Офицерской улицы, прозванная в шутку игроками *Le passage des Termopiles* (Фермопильский проезд) – не стала уже по вечерам гореть огнями в двух угловых домах и манить проезжающих по улице то направо, то налево. По рассказам, в этих двух домах всевозможные приманки и со-

блазны были собраны для посетителей: груды золота, прелестные женщины, дорогие вина и роскошные яства – все было к услугам посетителей. Игра здесь шла самая ужасная, самая адская. Известно, что все игроки суеверны, а эта местность – в виду тюрьмы, Литовского замка, и жилища палача – считалась самою благополучною для игры. Как известно, еще во времена процветания Венецианской республики таким суеверием не брезгали и на небольшой площадке, против самого дожевского дворца, где возвышаются колонны св. Марка и св. Федора и где между этими колоннами предавались казни повешением все неполитические преступники, – там то и было единственное счастливое место, где шла азартная игра и стояли золотые столы с грудями золота, за которыми совершенно спокойно сидели банкометы с картами в руках, не пугаясь царством палача.

О крупных проигрышах близким к нашим дням мы могли бы рассказать целую книгу. Много еще сравнительно не так давно говорили о большом выигрыше одного страстного игрока И., что взял в час миллион рублей с од-

ного одесского грека. Про этого героя зеленого поля рассказывали, что он держал у себя даже управляющего именем, тоже страстного игрока. Когда этот барин проигрывался, то посылал приказы в деревню к управляющему стричь овец. И раз на такой приказ долго не получал ответа. Когда же пришел ответ, то оказалось, что ни шерсти, ни овец уже не существует и все проиграно управляющим, на такую телеграмму была послана другая, лаконическая «Кому?» Злые языки уверяли, что когда барин узнал имя счастливца, то поспешил сам приехать в деревню и в один час отобрать от него все им выигранное и вдобавок заполучить и за беспокойство довольно крупную сумму. Я думаю, еще живы старожилы в Варшаве, помнящие проигрыш целого города Д-ны, поставленного на одну карту князем Л-м, или в Петербурге проигрыш миллиона рублей господином А-ою М-ву, или выигрыш князя В. с графа Ш. 225 000 руб. в прихожей, в шубе, при возвращении домой после проведенного вечера за зеленым столом.

Заканчивая нашу статью, мы не можем не сказать, что страстные игроки были везде и

всегда. Но нигде карты не были в таком употреблении, как у нас. В русской жизни карты, как говорит поэт Вяземский одна из непреложных и неизбежных стихий. Но мы здесь говорим о мирной, так называемой коммерческой игре, о карточном времяпрепровождении, свойственном у нас всем возрастам, всем званиями и обоим полам. Одна русская барыня говорила в Венеции:

– Конечно, климат здесь хорош, но жаль, что не с кем сразиться в винт.

Другой наш соотечественник, который провел зиму в Париже, отвечая на вопрос, как доволен он Парижем, отвечал:

– Очень доволен, у нас каждый вечер была своя партия.

Карточная игра в России есть часто оселок и мерило нравственного достоинства человека. «Он приятный игрок», – такая похвала достаточна, чтобы благоприятно утвердить человека в обществе.

Приметы упадка умственных сил человека от болезни и от лет не всегда у нас замечаются в разговоре или на различных поприщах человеческой деятельности, но начни игрок

забывать козыри – и он скоро возбуждает опасение своих близких и сострадание общества. Карточная игра имеет у нас свой род остроумия и веселости, свой юмор с различными прибаутками и поговорками.

Примечания

1

Этим именем государыня называет дипломатов (Букв. гороховые супчики).

[^^^]

2

Она умерла в 1865 г. 93-х лет от роду.

[^^^]

3

«Баламут» или «абцужный штос» на языке шулеров называется такой банк, в котором все карты биты, кроме двух первых абцугов, которые идут на счастье.

[^^^]